

ДЖАТАКА ОБ УНМАДАЯНТИ

Даже мучимые жестокими страданиями добрые неспособны стать на путь низких, находя опору в своей высокой нравственной стойкости. Вот как об этом назидательно повествуется. Некогда Бодхисаттва, как рассказывают, был царем шибийцев; преуспевая на благо народа в правдивости, щедрости, спокойствии, мудрости и других прекраснейших качествах, он, словно воплощенная праведность и воспитанность, был отцом своего народа, движущим вперед его благополучие.

1. От совершенья преступлений ограждаемый и укрепляемый в высоких добродетелях своим царем, как сын отцом, народ был полон радости в мирах обоих.

2. И суд царя был нелицеприятен; не различал своих он и чужих и следовал во всем закону; закрыв народу беззаконий путь, он обратился как бы в лестницу, ведущую на небеса.

3. Плод добродетели народа - его благо; зная это, людей правитель был всегда одним лишь этим озабочен, и, следуя стезею праведной, с душою, полною блаженства, другим не позволял он нарушать ее.

И вот у одного из знатнейших подданных этого царя была дочь поразительной красоты, которая считалась драгоценностью среди всех женщин; по необычайному совершенству ее фигуры и всей ее прелести она казалась воплощенной Лакшми¹, или Рати или же одною из апсар.

4. И тот, чей взор случайно падал на ее красу и кто не утерял способности любить, не в состоянии был взора оторвать, притянутый к ней блеском красоты.

За это ее родственники дали ей имя Унмадаянти («Сводящая с ума»). И вот отец ее уведомил царя:

«В твоём царстве, о государь, объявилась жемчужина среди женщин, поэтому да благоволит государь решить, возьмет ли он ее в жены, или отвергнет». После этого царь повелел брахманам, умеющим различать счастливые приметы женщин:

«Посмотрите дочь этого вельможи и решите, подходит ли она нам в жены, или нет». Тогда отец ее, пригласив этих брахманов в свой дом, сказал Унмадаянти: «Доченька, прислуживай сама этим брахманам». Она, промолвив: «Слушаю!», - стала, как должно, прислуживать брахманам. И вот тех брахманов

5. Глаза, едва лишь взоры их на лик ее упали, стали неподвижны, и бог любви унес их стойкость; не подчинялись им ни очи, ни рассудок, как будто в опьянении сознание потеряли.

Когда же они, потеряв голову, не в состоянии были сохранить твердость и благоразумие - куда уж там есть,- хозяин, удалив с их глаз свою дочь, сам стал прислуживать брахманам и затем проводил их. И вот у них явилось такое соображение: «Поразительная красота девушки, как чудесное виденье, чарует душу; поэтому царь не должен даже видеть ее, а тем более не должен вступать с нею в брак. От ее дивной красоты он, несомненно, потеряет голову и с меньшим усердием станет заниматься своими священными и государственными делами, а упущения в обязанностях государя станут препятствием на пути народа к преуспеванию и счастью.

6. Она одним своим лишь видом может помешать стремлению к совершенству даже муни, тем более владыки юного, который, счастьем наслаждаясь, бросает взоры, алчущие удовольствий.

Поэтому целесообразно поступить нам так». Приняв решение, они явились в надлежащее время к царю и заявили ему следующее:

«О великий государь! Мы видели эту девушку. Она чарующе прекрасна, но и только: есть у нее дурные приметы, предвещающие гибель и неудачу; поэтому ты, государь, не должен даже видеть эту девушку, а тем более вступать с нею в брак.

7. Порочная жена позорит славу и счастье родов обоих, как ночь, которая, скрыв месяц в облаках, окутывает тьмою всю красоту земли и неба».

Так дело было представлено царю. «Если у нее есть неблагоприятные приметы, как это мне говорят, то она не соответствует моему роду», - подумал царь и перестал желать ее. Ее отец, узнав, что царь не требует девушки, выдал свою дочь замуж за одного из советников царя по имени Абхипарага.

И вот однажды, когда настал праздник Каумуди², царь пожелал полюбоваться блестящей красотой праздника в своей столице. Взойдя на царскую колесницу, он поехал по городу; улицы и торговые ряды города были убраны и политы водою; повсюду развевались разноцветные флаги и знамена; белые мостовые улиц были усеяны разнообразными цветами; повсюду были пляски, пенье, шутки, танцы, музыка; опьяняющий аромат цветов, пудры, благовоний, венков, крепких напитков, пахучей воды для омовений, благовонных мазей наполнял воздух; дивные товары были выставлены для продажи; главная улица была запружена сияющими весельем толпами горожан и селян в роскошных одеждах. Совершая свою прогулку по городу, царь приблизился к дому того министра. Тогда Урмадаянти с гневом подумала: «А, так у меня неблагоприятные приметы, и потому, как говорят, я отвергнута царем!», - и, очень любопытствуя видеть царя, она стояла, сияя дивным блеском своей красоты и освещая плоскую кровлю дома, как молния освещает вершину облака. «Пусть же соберет теперь свои силы, чтобы удержаться от смятения и сохранить свою стойкость и память, увидев ту, у которой дурные приметы», - подумала она. И вот взор царя, с любопытством наблюдавшего великолепие столицы, упал вдруг на нее, когда она стояла, обернувшись к нему лицом. Тогда царь,

8. Хоть вволю насмотрелся он на красоту прелестных женщин своего двора, хоть был смиренным он и, добродетель соблюдая, стремился одержать победу над страстями,

9. Хоть, обладая стойкостью высокой, был сдержан и стыдлив, хоть взор его испуган был созерцанием чужой жены, но все же долго он на женщину смотрел, не отрывая глаз и восхищая Каму:

10. «Не Каумуди ль это? Не воплощенное ли это божество сего дворца? Апсара ли она, иль дайтев дева? Ведь красота нечеловеческая это!».

Меж тем как царь так размышлял и глаза его не могли вдоволь насладиться созерцанием женщины, его колесница проехала мимо того места, где она стояла, не считаясь с его желаньями. И вот царь вернулся в свой дворец с опустошенным сердцем; его мысли были только с ней, вся его нравственная стойкость была похищена богом любви. Наедине он обратился к своему вознице Сунанде:

11. «Не знаешь ли, чей это дом был с белыми стенами? И кто та женщина была, что там сияла, словно молния на белом облаке?».

Возница сказал: «Есть у государя министр по имени Абхипарага - так это его дом и его жена, дочь Киритаватсы, Урмадаянти по имени». Когда царь услышал эти слова, то при мысли, что она - жена другого, его сердце упало и взгляд его стал неподвижным.

И, вздыхая глубоко и жарко, терзаясь всей душой по красавице, он обратился к самому себе с такою речью:

12. «О, как идет ей это имя нежное, где каждый слог ласкает слух: "Унмадаянти!". Своей чудесною улыбкою она меня ума лишила!

13. Забыть ее хочу - и словно вижу сердцем! Мое ведь сердце у нее, или, вернее, в нем царит она!

14. Сколь малодушен я: любить жену другого! Что за безумец я! Покинул стыд меня и сон!

15. Меж тем как ум мой восхищенный в созерцанье погружен улыбки ясной, взоров, красоты ее, вдруг раздается звонЗ - тот дерзкий звук напоминает о теченье дел других. О, в сердце у меня лишь ненависть те звуки порождают».

Таким образом, стойкость царя была потрясена силою любви. И хотя он старался прийти в себя, однако же его бледность и худоба, задумчивость и частые вздохи, зевота и весь вид его показывали ясно, что царь влюблен.

16. Сердечная болезнь, хоть стойко он скрывал ее, наружу выступала ясно и на лице его, и в худобе, и в неподвижном взгляде, исполненном задумчивости.

Тогда его министр Абхипарага, который был весьма искусен в истолковании изменений во внешности и выражении лица, узнав, что случилось с царем, и поняв причину этого, и из-за своей любви к царю весьма озабоченный опасностью, которая ему угрожала, так как он знал поразительную силу бога любви, просил у царя разрешение поговорить с ним наедине и, получив его позволение, обратился к царю с такими словами:

17. «Сегодня мне, о царь, людей владыка лотосоокий, когда я воссылал богам моления, явился якша и, подойдя ко мне, промолвил так: "Как же ты не догадался, что сердце государя принадлежит Унмадаянти?"

18. Промолвив так, он вдруг исчез, а я, задумавшись об этом, к тебе явился; и если правда это, государь, то почему же ты молчишь, откуда у тебя такое недоверье к слугам?

Поэтому благоволи, о государь, оказать мне милость, приняв от меня мою супругу».

Смущенный этим предложением, царь не мог поднять глаз от стыда, и хотя и находился во власти бога любви, однако благодаря знанию праведного закона, приобретенному долгим упражнением, его стойкость осталась непоколебленной, и он ясно и определенно отказался принять дар министра:

«Этого не должно быть. И вот почему:

19. Я не бессмертен и своих заслуг лишусь; кроме того, народ узнает о грехе моем; тебя ж в разлуке с нею любовь сожжет с такой же быстротой, с какой огонь сухой кустарник истребляет.

20. Такой поступок, что недоброе сулит в мирах обоих- том и этом, не совершит мудрец, хотя им наслаждается немудрый».

Абхипарага сказал: «Тебе не нужно опасаться нарушения закона.

21. Ты мне поможешь щедрость проявить и тем закон исполнишь, а если от меня ее не примешь в дар, тогда, даянью помешав, закон нарушишь.

Я не вижу здесь ничего такого, что могло бы порочить добрую славу царя.

22. Ведь, кроме нас двоих, никто об этом знать не будет, и потому ты изгони из сердца страх людского порицанья!

Для меня же это будет милостью, а не мученьем, потому что

23. Какое зло возникнуть может в верном сердце от чувства удовлетворенья, что совершил что-либо ты на пользу господину? Поэтому спокойно наслаждайся ты любовью, о государь, и о моих страданиях не тревожься!».

Царь сказал: «Ни слова больше о таком грехе.

24. Из-за любви великой ко мне ты, очевидно, забываешь, что ведь не всякое даянье помогает исполнению долга.

25. Кто для меня в своей любви высокой не ценит даже жизнь свою, тот друг мне, лучший родственник - и я его супруге друг.

Поэтому не следует вовлекать меня в неблаговидное дело. Что же касается того, что, как ты уверяешь, никто другой не узнает об этом деле, то разве от этого оно станет безгрешным?

26. Хотя б невидимо творил кто злое дело, как благоденствовать тот может? Ведь это словно яд принять незримо! Его увидят непорочными очами и небожители, и святые йоги.

Чего же больше?

27. Кто поверить может, что ты ее не любишь, что не постигнет гибель и тебя, когда ты разлучишься с нею?».

Абхипарага сказал:

28. «С супругой и детьми я раб твой, ты мой господин и божество мое. Какое может быть, о государь, закона нарушение по отношению к рабе твоей? Что же касается моей любви к ней, о которой говоришь ты,- что ж из этого?

29. Да, я ее люблю, о радостей податель, и потому я добровольно сам хочу отдать ее тебе: ведь человек, отдав здесь дорогое, в том мире получает еще дороже что-то.

Поэтому благоволи, о государь, принять ее». Царь сказал: «Ни в коем случае! Это невозможно!

30. Скорее брошусь я на острый меч или в пылающий ужасным пламенем огонь, чем соглашусь попать так добродетель, которой я обязан счастьем великим!».

Абхипарага сказал:

«Если государю неуютно взять мою супругу, то я велю ей стать гетерой, любви которой может добиваться каждый, и тогда мой государь с ней сможет насладиться».

Царь сказал: «Да что с тобою? Как обезумел ты!

31. Оставивши невинную супругу, ты, безумец, получил бы от меня возмездье и, сделавшись предметом поношений, ты стал бы мучиться и в этом мире и в ином.

Поэтому оставим эти бессмысленные речи. Образумься же».

Абхипарага сказал:

32. «Хотя бы то грозило нарушением закона, иль порицанием со стороны людей, или утратой счастья - всему навстречу я пойду с открытым сердцем: оно исполнено блаженства, доставив счастье тебе.

33. Не вижу в мире я огня великого, тебя превыше⁴, о земли великий повелитель! И Унмадаянти да будет вознаграждением моим жрецу; прими ее, как жрец, для усиления моих заслуг».

Царь сказал:

«Несомненно, стремясь действовать мне на пользу, ты по своей великой любви к нам не замечаешь, что добро и что зло для тебя самого; и поэтому я с особенным вниманием должен наблюдать за тобой. Ни в коем случае не следует безразлично относиться к порицанию людей. Смотри:

34. Кто, к праведности безразлично относясь, заботиться не станет о порицании людском или награде в другом существовании, тому не станет доверять народ и в мире том он без сомнения лишен блаженства будет.

Поэтому я и говорю тебе:

35. Не соблазняйся преступить закон для жизни этой: великий грех здесь несомненен-сомнителен и незначителен успех.

Чего же больше?

36. Ввергать людей в несчастья такие, как порицание и тому подобное, и этим для себя добиться счастья - для добрых неприятно; пусть лучше, зло другим не причиняя, один я понесу все бремя личных дел, ничем закона не нарушив!».

Абхипарага сказал: «Да разве здесь может иметь место беззаконие, если я из преданности к господину действую ему на пользу, а государь принимает ее от меня в дар. Ведь все шибийцы, горожане и селяне, могли бы сказать: "Какое же тут беззаконие?". Поэтому да благоволит государь принять ее!». Царь сказал: «Поистине ты всей душой хочешь сделать мне приятное, но нужно подумать еще и вот о чем:

из всех шибийцев - горожан и селян, тебя и меня - кто из нас самый сведущий в святом законе?». Тогда Абхипарага в смущении сказал:

37. «Благодаря почтению к старшим, усилиям, затраченным на изучение Священного писания, и остроте ума смысл истинный науки о трех целях жизни тебе открыт, о государь, как Брихаспати⁵».

Царь сказал:

«Поэтому-то ты и не можешь совратить меня [с истинного пути].

38. От поведения царей зависит благо и несчастье народа;

вот почему, привязанность народа помня, останусь я на поприще благом, что соответствует и славе моей доброй.

39. Хорош ли, неудобен путь, которым бык идет,- коровы следуют за ним; так и народ: откинув острые преграды сомнений, он повелению государя следует всегда.

Кроме того, ты должен принять во внимание следующее:

40. Ведь если б у меня не стало силы, чтоб охранять и самого себя, в каком же состоянии оказался бы народ, который жаждет от меня защиты?

41. То зная и заботясь о благе подданных, равно как о святом законе и безупречной славе, я не хочу велениям сердца следовать: ведь я же вождь народа своего, я бык ведь в стаде!».

Тогда министр Абхипарага, умиленный в сердце своем этой стойкостью царя, поклонившись ему и почтительно сложив руки, обратился с такими словами:

42. «Сколь осчастливлены судьбою подданные, которых охраняешь ты, людей владыка! Такую преданность закону, пренебрежение к наслаждениям личным найти возможно ль даже в пустынях лесных!

43. О, как приличествует дивное название "великий" в имени твоём, великий государь! Ведь если бы безнравственного добродетельным назвать, то это было бы насмешкою жестокой!

44. Но к чему мне изумляться иль волноваться пред великим подвигом твоим? Как океан сокровищ полон, так ты исполнен добродетелей, о государь!».

Таким образом, «даже мучимые жестокими страданиями добрые неспособны стать на путь низких, находя опору в своей высокой нравственной стойкости» [и в своем прекрасном знании праведного закона, которому они неустанно следовали; помня об этом, надо прилагать все усилия для укрепления в нравственной стойкости и праведном законе].

Примечания:

1 Лакшми - богиня счастья, любви и красоты. Рати - персонифицированное наслаждение, жена бога любви Камы. В буддийской мифологии Рати - одна из дочерей Мары.

2 Каумуди - лунный свет, персонифицированный как жена бога месяца - Чандры, а также день полнолуния в месяце карттика (октябрь - ноябрь) и отмечающийся в этот день праздник, посвященный богу войны Карттикейе (месяц карттика считался наиболее удобным для ведения военных действий).

3 «...Раздается звон...» - звон металлических литавр, отбивавших время каждые полчаса.

4 «...Огня великого, тебя превыше...» - Абхипарага сравнивает Бодхисаттву с ним, а Унмадаянти с жертвенным приношением огню, а также с платой жрецу за совершение жертвоприношения.

5 Брихаспати - одно из древнейших ведийских божеств, мудрый наставник и жрец богов.